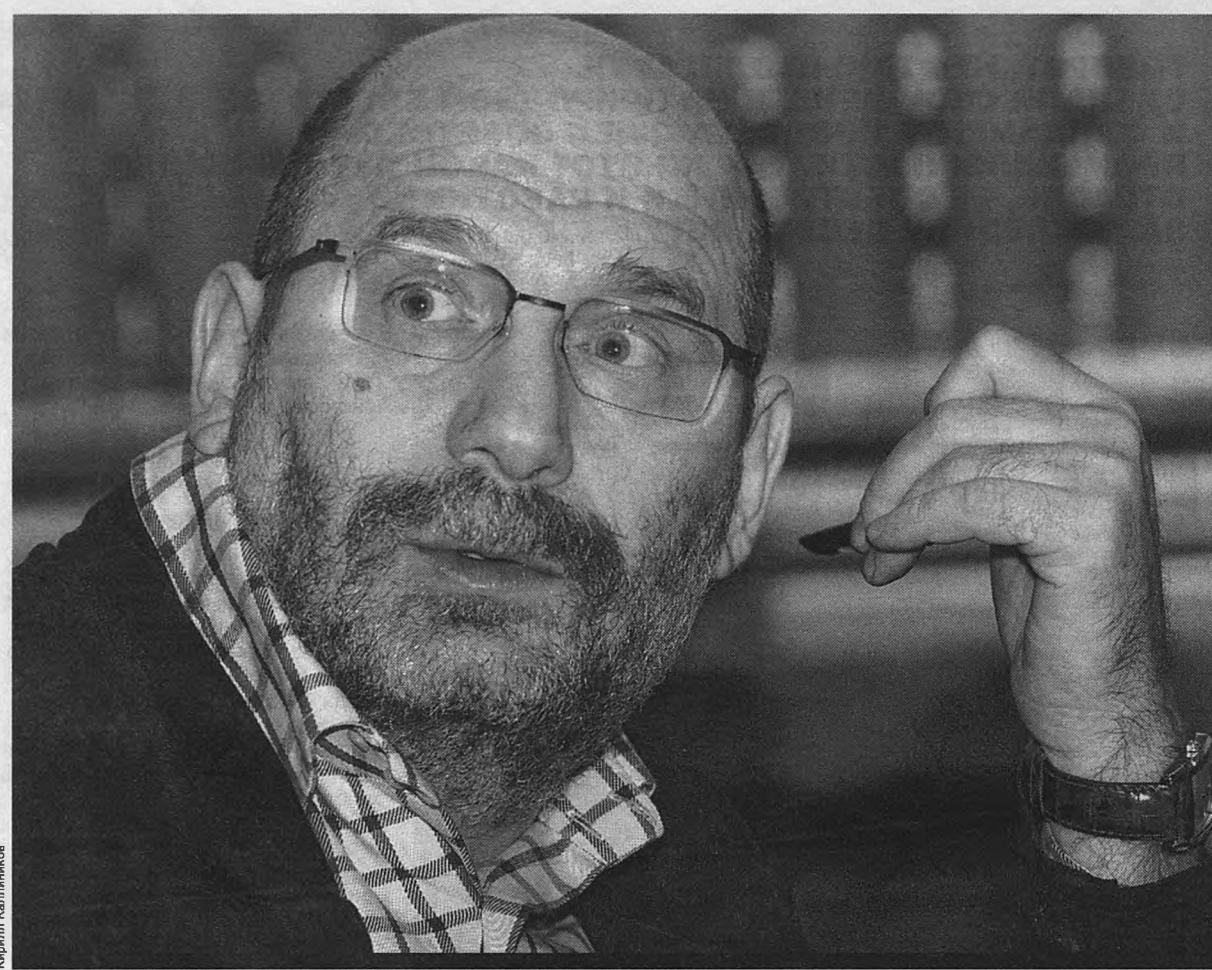

«Главный наркотик в моем ремесле – ощущение, что ты заставляешь большое количество людей любить то, что ты любишь».

Кирилл Каплинников

— Почему именно сейчас в судьбе вашего персонажа возникла тема Японии?

— На самом деле роман, где действие происходит в Японии, был придуман давно. После третьей книги серии об Эрасте Фандорине я собирался сохранить хронологическую последовательность, но взбунтовался мой издатель Игорь Захаров. Ему очень понравился «Азазель», гораздо меньше «Турецкий гамбит» и совсем не понравился «Левиафан», космополитичное повествование в духе Агаты Кристи. А идея «этнографического детектива» была совсем уж не мила его издательскому сердцу.

— Надеюсь, что читатели «Алмазной колесницы» его не поймут...

— Нет, Игоря можно было понять: «Азазель» продавался плохо, моды на Японию в те времена еще не существовало... Тогда я внес коррекцию в первоначальные планы: решил, что сделан основным сюжетным пластом русско-японскую войну, а приключения Эраста Петровича в Японии станут бэкграундом, фрагментами предыстории. Теперь я думаю, что это правильно.

— Григорий Чхартишвили — переводчик Мисимы, исследователь японской культуры. Что для вас означает десятый роман о Фандорине, где фоном становится японский пейзаж? Вряд ли вы считаете его рядовым?

— Да, это важный для меня роман. Главный наркотик в моем ремесле — ощущение, что ты заставляешь большое количество людей интересоваться тем, что тебе интересно, и любить то, что ты любишь. Я люблю Японию, и очень хочу, чтобы мои читатели ее тоже полюбили. Или, по крайней мере, захотели

БЕЗ ПРАВИЛ

больше про нее узнать. Может быть, я даже несколько переборщил со своей японофилией, и это даст обратный эффект... Надеюсь все же, что нет.

— Когда читаешь ваши романы, замечаешь, что для них очень важна внутренняя символика. В «Алмазной колеснице» есть даже некая тайна, зашифрованная между главами первого тома. Если тут имеется связь со знаками Зодиака, то когда вы дополните число романов о Фандорине до искомой дюжины?

— Дело вовсе не в знаках Зодиака, а в психотипах людей. Согласно занятной науке соционике таких типов существует всего шестнадцать, и каждый назван по имени какого-нибудь знаменитого и характерного его представителя — Наполеон, Раскольников и так далее. Когда я еще не был знаком с соционикой, я тоже принял считать психотипы.

У меня их тоже получилось шестнадцать, только я каждому из них дал название животного. Про это есть целая глава в повести «Декоратор». Каждый из моих романов адресован одному из типов. Между прочим, «Алмазная колесница» — как раз шестнадцатая книжка (тип — Носорог), так что список моих адресатов исчерпан. Поэтому вот не знаю, для кого бы еще написать... Может, и не надо больше?

— Если вас интересует мое мнение, то — надо. И думаю, что не я один так считаю. Но вот вопрос: действие первого тома происходит во время русско-японской войны. Фандорин влюблен в Японию, но борется против нее. Для парадоксального обострения неразрешимых антагоний патриотизма?

— Мой Фандорин возвращается на государственную службу (причем во время войны, которой он не может сочувствовать), когда становится ясно, что дела отечества плохи. Действовать против Японии для него мучительно, но иного выбора у него нет. Оставаться стороне и наблюдать, как Россия, которую Эраст Петрович сравнивает с раненым динозавром, гибнет, — для него непреимлемо. С логической точки зрения Фандорину ясно, что любая война и в особенности война империалистическая — гадость, но кроме логики есть еще и любовь. Кому из нас не приходилось горячо отстаивать интересы близкого человека, даже зная, что он неправ?

— Он пытается предотвратить теракты на железной дороге. За три дня до поступления книги в продажу произошел кошмарный взрыв электрички в Ессентуках. Предвидение логики террора и противостояния ему входит в ваши планы?

— Знаете, давайте террора сейчас касаться не будем — слишком обширная тема.

На прилавках появился новый роман Бориса Акунина «Алмазная колесница». Событие, давно ожидаемое целой армией фанов сыщика Фандорина, состоялось. Его автор

Григорий ЧХАРТИШВИЛИ

посвятил «МН» в тайну его происхождения

ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ

— Хорошо, тогда вот что. В «Алмазной колеснице» вы даете определение акунину, злому человеку, как тому, кто сам устанавливает для себя правила. Видимо, это и что-то личное. Какие правила, например, вы установили для себя в своем писательстве?

— Больше всего я боюсь механизировать, превратиться в печатный станок, выдающий однотипные тексты. Отсюда правило: никаких правил, никакой повторяемости, читатель никогда не должен знать, какой фокус я ему покажу в следующий раз. Я очень доволен эффектом, который произвел на публику мой роман «Пелагия и красный петух». Меня разом переписали из либеральных просветителей в богоискатели и доморощенные проповедники. После «Колесницы» ярлык оправдывается. Так и должно быть.

— А сознательно ли был выбран момент поступления книги в продажу — не только день выборов в российский парламент, но и нападения Японии на Перл-Харбор?

— Ну, разумеется, сознательно. Я всё стараюсь делать сознательно. День японского триумфа, надеюсь, принесет моему японскому роману удачу. А что до выборов... Я на них идти не собирался — и это впервые с советских времен. По той же самой причине — очень уж стало похоже на выборы «нерушимого блока коммунистов и беспартийных». Неохота быть статистом в чужой игре, да еще с предрешенным результатом. Я предполагал, что многие из моих читателей тоже не пойдут на избирательные участки. Вот и решил их чем-нибудь занять.

— Немного о будущих планах. Кажется, когда-то вы собирались написать книгу о кладбищах? Пишете ли ее?

— Пишу. Вернее, дописываю. Это книжка, которую я делаю для себя, как Бог на душу положит. Григорий Чхартишвили, который отвечает за эссеистическую часть, свою работу закончил. Акунин, как представитель менее ответственного ремесла, заканчивает третий рассказ, остается еще три.

— Видите, вы уже и в соавторы подались. Каково внутреннее ощущение своего писательского развития? Как избежать самоповторов при издательском конвейере, не устает ли жанр?

— Устает. И жанр от меня, и я от жанра. Именно поэтому я решил дать господину Акунину продолжительный отпуск. Очень хотелось бы, чтобы отпуск оказался декретным. Если не получится — ну, буду писать не детективы, а что-нибудь другое. Или придумывать компьютерные игры. Или сделаю кое-что кинематографическое (есть одна занятная идея). Или, в качестве Чхартишвили, напишу исследование на одну интересующую меня тему. В общем, скучать не буду.

За первую неделю после выхода книги продано 200 000 экземпляров

На самом деле — в день нападения японцев на Перл-Харбор.

О чем рассказывается в «Алмазной колеснице», не так важно, поскольку захватывающе.

«Забудь, что прочел. Учись читать заново. Так сказал сэнсэй».

Вот почти последние слова почти последней книги.

А то, что первая книга («Ловец стрекоз») — о событиях 1905 года, смысл которых разъяснен во второй («Междурядья»), — написана в жанре хокку, это для внимательных читателей, ищущих шифр и разгадку.

«У акунина Хриплый смех, нож в зубах, Шальные глаза». Так говорит Чхартишвили.

бестселлер

Давно замечено, что детективы делают человека умнее и внимательнее, чем он есть на самом деле. Извинительная слабость для читателя, и подлинное искусство со стороны сочинителя.

Россия. 1905 год. Война с Японией. Вражеские шпионы взрывают стратегические мосты, по которым на Дальний Восток идут военные поезда, готовят новые диверсии. Эраст Фандорин в качестве вольного консультанта противодействует этим терактам на железных дорогах.

Война на рельсах, как это часто бывает с романами Акунина, получает актуальные подтверждения в жизни. Когда пачки трехсоттысячного тиража отправлялись в магазины, прошло сообщение о десятках погибших и двух сотнях раненных в электричке в Ессентуках.

Фандорин и его автор не хуже Солженицына вникают в русскую историю, определившую ход XX столе-

тия. Решая при этом неразрешимую задачу: как жить в России, желая ей, злой, добра. Самоопределяясь на ходу и в смертельном единоборстве с другими странами, обступившими империю и отнюдь не всегда желающими ей процветания.

В «Алмазной колеснице» Б. Акунин ставит перед собой неразрешимую, казалось бы, задачу. Любящий Японию, как свое другое я, Фандорин вступает в единоборство с этой самой Японией, по самому смыслу учительства превосходящей талантливого ученика и подражателя.

Дело чести рецензента детектива — не рассказать ничего, что бы выдало читателю тайну диспозиции. Обрисовать план помещения, где только что были сыщики и преступники, которые вдруг как сквозь землю провалились. Примерно за двенадцать страниц до конца первого

тома, а он более чем в три раза уступает в толщине второму, напряжение нарастает до предела, и возникает смутное ощущение, что Фандорину не жить. Русско-японской войны ему не пережить. И уже тем более первой русской революции. Финита ля комедия.

Роман своим вторым томом стремительно раскручивается на 27 лет назад: молодой 22-летний Фандорин прибывает в российское консульство в Йокогаме, в главный порт Дальнего Востока, где особенно гадят нам британцы.

Именно в Йокогаме Фандорину впервые попадаются акунини, местные злодеи, сильные люди, вдвое опасные, поскольку сами устанавливают для себя правила. Знаете ли вы ниндзя так, как знает их Эраст Петрович? Нет, вы не знаете ниндзя, как он, но кое-что будете знать те-

перь даже вы. Это чистые акунини.

Сам же молодой Фандорин пытается спасти главу страны, при котором Япония развивалась по нашему, российскому пути: твердая вертикаль власти, государственное управление основными отраслями промышленности, никаких игр в демократию. Иной путь — британский: «с парламентом и политическими партиями, с возникновением крупного частного капитала». Однако сторонника вертикали убивают его же бывшие соратники, терпевшие его, пока он был им полезен.

В общем, из «Алмазной колесницы» можно многое чего вычитать.

Самое простое — думать, что книга поступила в продажу в день выборов в российский парламент.